

*Моник Паттерсон,
нашему постоянному редактору.
Спасибо за поддержку.
Эта история для тебя!*

Гудвилль

1. Скандинавское дерево
2. Индийский бенгальский фикус
3. Японское вишневое дерево
4. Греческое оливковое дерево
5. Египетская пальма-дум
6. Дом семьи Гуд
7. Старшая школа Гуд
8. Озеро Гуд
9. Кукурузные и бобовые поля

Пролог

19 ИЮЛЯ, 1692

Салем, штат Массачусетс

Сара Гуд не раскрывала глаз, когда начали проверять виселицы. Хотя Уступ Проктера находился в нескольких минутах ходьбы от здания суда, куда Сару заключили под стражу, прибрежный ветерок все равно доносил звуки сквозь заделанное решеткой окно над ее головой. Это вселяло ужас. Щелчок рычага, открывающего крышку люка, с металлическим скрипом расколол ночную тишину, за которым последовал глухой хлопок от падения мешка с песком, что использовали вместо тела. Сквозь безмолвную темноту, словно рой ос, ее ужалил саркастиче-ский гогот и приглушенные комментарии муж-чин, ставших свидетелями испытаний.

Рядом со своей матерью на узкой койке зашевелилась маленькая Дороти, и Сара, стара-ясь успокоить малышку, погладила худенькую спинку ребенка. Глубоко вздохнула, и запах

розмарина наполнил ее легкие. Она изо всех сил сдерживала гнев, охвативший ее. Мало того, что они сфабриковали причину, чтобы обвинить ее в колдовстве, так еще и заточили в тюрьму ее четырехлетнюю дочь, потому что нашли блошинный укус на ее мизинце — *блошинный укус!*

Сара внимала предзнаменованиям, которые указывали ей на надвигающуюся опасность: карканью ворона, три утра подряд залетающего в ее окно; корням мандрагоры, которые оказались гнилыми, когда она выкопала их; и особенно кролику, которого обнаружила мертвым на пороге своего дома. Прислушавшись к предостережениям, Сара подготовилась, однако недооценила угрозу и то, что город ополчится против нее столь быстро или что ее собственный муж пополнит список обвинений.

Впрочем, она не поддавалась панике, пока в один из дней у тесно посаженных прутьев решетки ее тюремной камеры не появился констебль Локер, держа в своей руке маленькую ладошку Дороти. И открыв дверь, не втолкнул ребенка к матери со словами: «Что ж, правда восторжествовала. Ребенок признался в колдовстве, как и ее мать, и показал метку Сатаны. Поэтому она останется с вами». В тот день Сара поняла, что город не сможет справиться с охватившей его истерией. Народ не образумится и не позволит ей или ее бесценному дитя выйти на свободу — а если это и случилось бы, то куда пошла бы ее дочь? Вернулась бы к своему вероломному отцу?

Сара должна вытащить ее отсюда.

Очередной скрипучий щелчок. Хлопок. Смех мужчин в этот раз смешался с редкими аплодисментами.

Дороти беспокойно бормотала, прижимаясь к матери, а Сара мурлыкала под нос знакомую колыбельную и поглаживала малышку по спине. В других условиях она спела бы дочери, но не в эту ночь. Этой ночью Сара пыталась лишь убаюкать ребенка, чтобы та задремала и не поднимала лишнего шума. Все внимание — ее истинное намерение — было сосредоточено на веточке свежего розмарина, которую она медленно и тщательно пережевывала, превращая в душистую мякоть.

Время истекало. Осмотр и проверка виселиц в эту самую ночь подтвердили, что на рассвете ее вместе с четырьмя другими женщинами — добропорядочными хозяйками Мартиной, Хоу, Нерс и Вильдой — предадут смерти через повешение.

Зачем проверять виселицы посреди глубокой ночи?

Полные губы Сары изогнулись в кривой усмешке, когда в сознании всплыл ответ: «Всему виной жестокость, что смешалась с их страхом». Недальновидные люди, правившие Салемом, прозвали полночь Ведьминым часом, но они мало что понимали в этом. Их напускная храбрость должна была отпугнуть Сатану, если тот ворвется в город, демонстрируя свой раздвоенный язык, чтобы спасти женщин, которых преподобный Нойс прозвал сатанинскими при-

служницами. Всех женщин заточили в разных частях здания суда, дабы они не смогли объединиться и вызвать своего хозяина.

Сара хмыкнула. Глупцы — все до единого.

Остальные четыре женщины, которых должны были повесить в тот день, были ведьмами ровно на столько же, насколько преподобный Нойс — колдуном. «Пусть Бог этого чудовищного человека даст ему испытать столько крови за все те страдания, что он причинил другим, — подумала Сара. — А я? Если я и буду прислужницей, то только для Матушки-Земли Геи». Сара Гуд верила в Сатану не больше, чем в фей.

Снова щелчок. Хлопок следом.

С каждым разом Дороти все меньше и меньше реагировала на эти звуки. Дочь тихо посапывала, ее беспокойство улеглось, что позволило Саре полностью сосредоточиться на заклинании. Она незаметно прихватила с собой веточку розмарина во время короткого похода с Дороти в отхожее место, чтобы справить нужду. Сара продолжала беззвучно произносить свое желание, снова и снова пережевывая розмарин.

*Аромат дурманит, в память проникает.
Жую-ворожу, мороком окружу.
До трех досчитаю — в сон погружаю...*

— Мя-яу!

Вопль кошки прозвучал прямо за дверью тюрьмы в здании суда — пугающий аккомпанемент к жуткой мелодии виселиц, но для ушей Сары кошачьи стенания были подобны ручью

в засушливой пустыне. Она с нежностью потрясла дочь за плечи.

Ребенок мгновенно распахнул свои зеленые, словно лесной мох, глаза.

Сара прижала указательный палец к губам, и Дороти кивнула, в ее глазах светилось осознание происходящего. Девочка не шевельнулась. Не заговорила. И даже не вернулась ко сну.

— Мя-я-яу!

— Матерь божья! — Констебль Грант, младший сторож, который на протяжении всей ночи бродил из камеры в камеру, надзирая за заключенными, замер рядом со своим огромным дубовым столом. Стряхнув пепел своей дешевой сигары на выступ камина, он резко захлопнул Библию, сжав ее в костлявых пальцах, и уставился на дверь.

— Мяу!

Констебль вновь зажал сигару зубами и зашагал к выходу из тюрьмы, в которой вдоль задней стены располагались три небольшие камеры, но занята была только одна.

— Сгинь, поганое сатанинское отродье! — не выпуская изо рта сигару, произнес он и распахнул дверь, махнув Библией в темноту.

Огромная кошка проворно прошмыгнула мимо него, и кисточки на ее ушах слегка подрагивали, когда она устремилась напрямик к камере, где содержались Сара и ее дочь. Констебль Грант захлопнул дверь и обернулся, только в этот момент заметив существо, пробравшееся внутрь. Он выплюнул сигару, уронил

Библию и с недоверием уставился на большую кошку в черно-рыжую полоску, которая лениво терлась о решетку камеры и безудержно мурлыкала.

Сара сжала плечо дочери. Время пришло.

Дороти тут же села, протягивая руки к матери, и произнесла:

— Мамочка! Одиссей! Это Одиссей! — Затем, в точности как они репетировали ранее, девочка подбежала к камерной решетке и протянула руки сквозь прутья, чтобы приласкать кота, который достигал таких необычайных размеров, что затмевал — и пугал — многих деревенских собак.

— Уберите ребенка! Я сказал: «Заберите», госпожа Гуд! Я не потерплю здесь сатанинское чудовище! — Констебль Грант схватил железную каминную кочергу и в угрожающем жесте замахнулся на мурлыкающего кота и улыбающегося ребенка.

Сара издала преисполненный материнским отчаянием писк сквозь пережеванный шарик розмарина, который она держала во рту, и бросилась к ребенку. И когда констебль навис над огромным котом, Одиссей встретился взглядом с Сарой. Она кивнула. Фамильяр глубоко вдохнул, а затем просочился между двумя соседними прутьями и подобно поплавку, вынырнувшему на поверхность воды, ворвался в тюремную камеру, чтобы уютно свернуться калачиком на коленях Дороти.

Констебль Грант с покрасневшим лицом ударил кочергой по решетке и повторил:

— Я не потерплю здесь сатанинское чудовище!

В тот же момент Сара оказалась у решетки. Она подняла взгляд на покрасневшегося молодого человека, стоящего в нескольких шагах от нее, и выплюнула комок пережеванного розмарина, смешанного с ее заклинанием и слюной, прямо ему в лицо.

Он выронил кочергу. Она с лязгом ударилась о каменный пол, а мужчина издавал странные повизгивания, судорожно вытирая зеленую слизь, которая облепляла его лицо и затекала в глаза.

Сара воздела руки и постаралась найти связь с духом земли. Всем своим существом она тянулась все ниже, ниже и ниже сквозь каменный пол к плодородной земле, притягивая к себе силу, что таилась там, с той же уверенностью, с какой луна взывает к приливам. Она почувствовала, как тепло земли согревает ее кожу и приподнимает короткие волоски на руках, а затем Сара Гуд решительно заговорила; в ее голосе отчетливо слышались уверенность и власть, которые до такой степени пугали мужчин Салема, что те сочли необходимым повесить женщину.

*Розмарин в ночи опьяняет,
Он сознание твое затуманит
и взгляд с темнотой смешает.*

Грант охнул, когда она начала накладывать заклинание. Его лицо приобрело бледно-молочный оттенок, пока он покачивался и отчаянно обтирал глаза. Слепленный, он попытался